

Поза Модильяни, лицо Тышлера

Непубликовавшиеся воспоминания Любови Большинцевой об Анне Ахматовой

Завтра — очередная (113-я) годовщина со дня рождения **Анны Андреевны Ахматовой**. Среди ее самых близких друзей была **Любовь Давыдовна Большинцова** — переводчица, в первом браке — жена **Валентина Стенича**, так навсегда и оставшаяся в сознании многих его вдовой (хотя впоследствии вышла замуж за известного кинодраматурга **М.В. Большинцова**). **Стенич** — стиховед, переводчик, герой статьи **Александра Блока** «Русские денди», встретился с **Ахматовой** еще в двадцатые годы. В 1937-м он был арестован, а в 1938-м расстрелян. **Любовь Давыдовна** познакомилась с **Анной Андреевной** в Ленинграде в конце 20-х. Потом

часто случалось, что она подолгу жила вместе с ней в **Комарове**, в **Будке**, или принимала у себя в **Сокольниках**. По воспоминаниям литературоведа **Анны Саакянц**, «дважды вдова, **Любовь Давыдовна** была воплощением самой женственности; невысокая, немолодая, ухоженная и подтянутая, она была олицетворенная элегантность... Она сама была «уходящей натурой», подобно **Ахматовой**, — не важно, что намного ее моложе. Будучи привязанной к **Анне Андреевне**, любя ее, она тем не менее вполне презво судила о ней. Помню, однажды она, как всегда деликатно, сказала: «**Анна Андреевна**, когда надо было в тяже-

лые годы зажечь примус для любимого человека, ложилась, кутаясь в шаль, и говорила: «Мне это не нужно». И любимый человек уходил — мужчины уходили от **Анны Андреевны**. Как-то она умирительно и похоже изобразила **Ахматову**, гордо подняв голову и прогудев басом: «Я страшно люблю одиночество и... никогда не оставалась одна». Никогда не публиковавшиеся воспоминания **Любови Большинцевой** об **Ахматовой** хранятся у ее племянника и наследника ее архива **Давида Файнберга**. Сегодня мы публикуем отрывки из них.

Наталья
ИВАНОВА-ГЛАДИЛЬЩИКОВА

6 апреля 1966 г.

Вот уже две недели, как вернулась из Ленинграда. Никак не могу свыкнуться, что ее уже нет, что ушла, ушла навсегда... Последний месяц она была несравнимо в лучшей форме, чем когда-либо, не только чем до болезни — там у себя осенью на даче. Такой я ее давно не видела... Накануне Нового года я была ошеломлена, увидев ее, какое у нее было лицо. Продолговатое — никакого признака двойного подбородка. Удивительное сходство с **Тышлеровским** портретом. Она очень смеялась,

когда я, войдя к ней в палату, сказала: «**Поза Модильяни** (она полулежала на кровати), а лицо **Тышлера**»... А вчера был месяц как она покинула нас. 13-го будет 40 дней. В гробу лицо напомнило маску, как у **Пушкина**. (Горбинка на носу — может, потому.) На голове черная кружевная косынка (она очень шла к ней — подарок **Соломеи**) и закутана в кружевную шаль, в ту, в которой получала премию в Италии. В день погребения — на лбу белая ленточка (это **Лева**), отчего лицо казалось очень похудевшим и совсем девичьим.

В **Комарове** (1961 г., январь)

Как-то в один из вечеров, когда почитатели разошлись, остался один **Берковский**... Заговорили о дневнике **Любови Дмитриевны Блок**. «Дневник пошлый и противный. Будем надеяться, что это произведение никогда, никогда не опубликуют» (А.А.). Пожалела ее только в том месте, где **Л.Д.** описывает последние дни **Блока**, его агонию. Помолчав, сказала: «Она вся в свою мать — та была воинствующая мещанка». «Была ли **Л.Д.** красивой?» — спросила я. «Лицо у нее как топор», — сказала А.А.

Комарово, 1962 г.

Вспоминалось, как утром в **Комарове** пришел **Козинцев** уговаривать ее написать текст для «**Гамлета**» и прочесть его сценарий. Она не собиралась исправлять **Пастернака** (**Козинцев** использовал его перевод «**Гамлета**». — «**Известия**») и никогда бы не согласилась, но была польщена и возбуждена... Беседовали в садике... Я вернулась уже в обед, он только что простился с ней, и мы встретились на территории дома. «Уговорите ее согласиться», — попросил он и, просясь, добавил:

«Поразительно — до чего хороша она, и откуда это очарование пред тобой! глядишь на старую женщину и не замечаешь, что у нее два зуба. (А.А. в то время еще не обзавелась протезом). И все это время чувствуешь ее обаяние». Я вошла в комнату, она тоже была возбуждена, ей был интересен процесс чтения режиссерского варианта и сам сценарий, хотя со многим она была не согласна.

С чем именно, к сожалению, не вспомню. Помню, что она говорила: «И почему соломенные крыши? Надо не забыть ему сказать, когда он придет. А он придет. Непременно. Он надеется, что уговорит меня перевести текст заново. Помилуйте, разве я согласилась бы переделывать **Бориса**? Да ни за что на свете. Ни за какие деньги. На что это похоже?». **Козинцев** приходил несколько раз, пока сам не убедился, что А.А. не переубедишь. Но он, человек в этом плане обидчивый, не был обижен. Объяснялось это не его всепониманием, а ее умением очаровывать, даже в эти годы. Не только силой своего таланта, но тем подлинным, настоящим «das ewig weibliche» («вечная женствен-

ность»), что во всей ней было. Я не знаю никого из людей живых, кому это готовское выражение подлиннее бы так подходило. В ней был образ не один, а концентрат всех женщин, и во всем было это «das ewig weibliche». Всегда и во всем... Пороку я ощущала себя рядом с ней старухой...

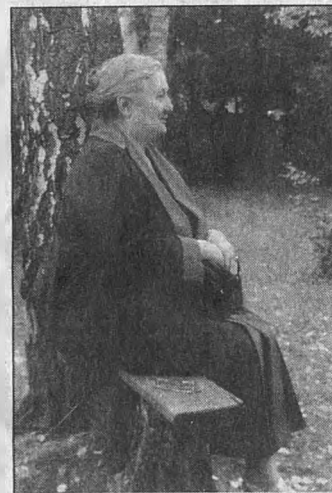
Комарово, 1962 г.

Как-то вечером в **Комарово** к нам никто не пришел. У меня было два томика **Агаты Кристи**, один я дала А.А. на ночь. Зачиталась. Когда уже мы потушили свет, и я думала, что она уснула, вдруг она сказала: «Удивительно — вообще это все вопреки логике. Да, да, сейчас уже поздно, но она не утруждает себя никакой психологией. Перечисляет просто возможных убийц — и совсем не понятно, почему под конец убил тот, а не предыдущий, — в этом нет ни логики, ни психологии. А вот пугает, и страшно потом»...

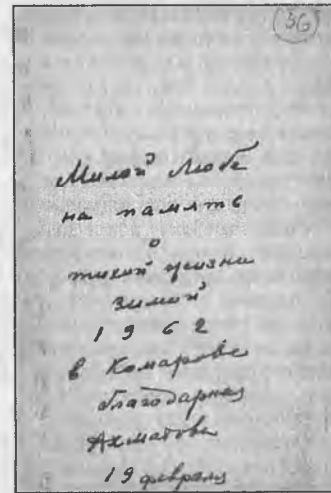
1 октября 1965 г.

Торжественное заседание, посвященное 700-летию **Данте Алигьери**. А.А. в президиуме. Прочла свои стихи о **Данте** и несколько слов о нем.

«В. Брюсов — ошибка раннего

На оборотной стороне фотографии **Анны Ахматовой** дарственная надпись **Любови Большинцевой**: «Милой Любе на память о тихой жизни зимой 1962 в **Комарове** благодарная **Ахматова** 19 февраля»

поколения. Напыщенный поэт, холодный и еще хуже прозаик» (А.А.).

«Ошибка позднего поколения — (даже нашего) — **Шкловский**. Мы принимали его трескотню за остроумие, блеск и воображение» (А.А.).

«Наше поколение переоценило **Шкловского**. Большинство переоценило.

Однако были исключения — например, **Стенич**» (А.А.).

Алма-Ата, 1943 г.

Не выносила, когда говори-

лось как-то (чаще в зарубежной печати) о влиянии **Гумилева** на ее поэзию. И также много и горячо уже возмущалась, когда кто-либо из них упоминал, что **Гумилев** не признавал или не ценил ее поэзию. Тут она уже не сдерживала свой гнев, и была права. Ибо это чистейшая ложь. Может быть, в самом начале еще не верил. Но начал публиковать — и еще до сборника «Вечер». А потом — впрочем, это видно и по его письмам — считал ее большим поэтом...